

УДК 903.2

А.В. Гордиенко

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Рассматриваются культуругенетические процессы в лесной полосе Западной Сибири во второй-третьей четверти I тыс. н.э. В качестве одного из основных факторов рассматривается инфильтрация в эти районы зеленогорского населения. Отмечается, что носители зеленогорского типа керамики принимают участие в культуругенезе молчановско-андрюшинской, потчевашской, рёлкинской культур. Подробно рассматривается роль зеленогорских традиций в формировании кушнаренковской культуры. Публикуется керамика зеленогорского типа из материалов раскопок городища Лангепас-I.

Ключевые слова: Западная Сибирь, раннее Средневековье, культуругенез, керамика зеленогорского типа.

Целью данной работы является обозначение одного из направлений культурного воздействия, оказавшего влияние на культуругенез западносибирских культур южнотаежной и лесостепной полосы во второй-третьей четверти I тыс. н.э. По нашему мнению, с начала I тыс. н.э. одним из факторов, определявших культуругенетическое развитие этих территорий, становятся регулярные инфильтрации сюда северного населения. Начало этого процесса зафиксировано нами на материалах поселения Айгинского VIII, расположенного в Тюменском районе Тюменской области, 39,5 км к В от г. Тюмени. Памятник датируется III в. н.э. и связан с проникновением носителей керамики саровского типа и формированием на его основе в Нижнем Приобье ярсалинского типа керамики. Основу населения на Айгинском VIII составляли носители ярсалинской керамики, других традиций, связанных с местными или иными культурами, не зафиксировано [1]. Второй этап приходится на IV–V вв., когда на юге западносибирских лесов и лесостепи появляются носители керамики карымского типа, что отмечается исследователями [2. С. 163; 3. С. 45–59; 4. С. 103] и свидетельством присутствия которых (судя по публикациям) в Нижнем Приобье являются погребения Козловского могильника, материалы городища Андрюшин городок, Малый Байрык-I, Усть-Утяк-I и др. В Омском Прииртышье выделяется могильник Усть-Тара VII и материалы Красноярского археологического комплекса [2]. Этот тезис также нуждается в тщательном анализе, но, к сожалению, материалов по нему у нас пока нет. В данной работе мы обозначим третий этап, связанный с инфильтрацией в VI–VII вв. носителей керамики зеленогорского типа.

Основное влияние зеленогорской культуры на южнотаежные и лесостепные западносибирские

территории прослеживается на уровне керамического производства (орнаментации и технологии). (Возможно, что инновации проникали и в другие сферы культур, но это является уже отдельной темой исследования). Поэтому сначала приведем ее характеристику. Впервые керамика зеленогорского типа и зеленогорская культура выделены В.Н. Чернецовым на основе материалов раскопок стоянки Зелёная горка близ Салехарда и датированы им ранним железным веком (доуст-полуйским периодом) [5. С. 67–74; 6. С. 63–71]. Екатеринбургскими исследователями материалы передатированы VI–VII вв. [7. С. 133–135; 8. С. 102–109]. В составе керамического комплекса выделены три группы: первая орнаментирована исключительно гребённой, вторая включает фигурные штампы и гребёнку, разделенные полосами по 3–4 желобка, третья состоит только из фигурных штампов и гребёнки и является преобладающей, составляя 59,3 % зеленогорских коллекций. Среди фигурных штампов доминируют различные вариации уголкового, которые составляют в коллекциях из Сургутского Приобья от 62,7 до 90 % и являются определяющими для выделения зеленогорских памятников [9. С. 115]. В узоры на шейке сосудов появляются треугольные композиции. Такие же треугольные фестоны с длинным столбиком, спускающимся ниже плечиков, завершают узор. Также характерной завершающей зоной являются арочные фестоны. Одной из особенностей керамики является «налепной валик под венчиком, орнаментированный гребенчатым или гладким штампом [7. С. 133–135].

При характеристике зеленогорской керамики исследователи отмечали её сходство с потчевашской, рёлкинской и материалами из Нижнего Приобья, отмечены ее находки в Большеземельской тундре (жертвенное место Хэйбидя-Пэдар), Верх-

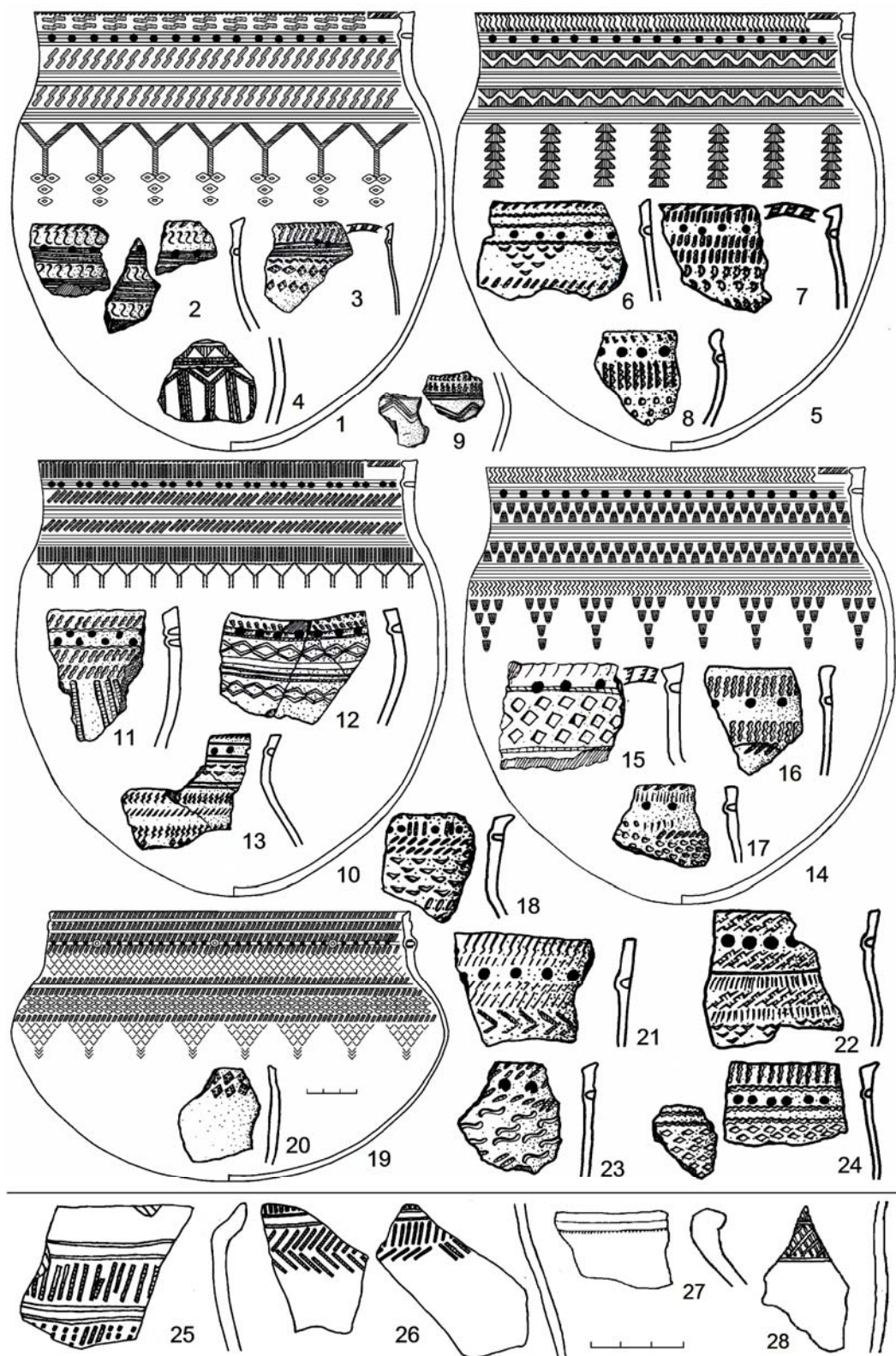

Рис. 1.

1–24 – керамика зеленогорского типа городища Лангепас-I; 25–28 – кушнаренковская керамика городища Антоново-I

Урале и в Зауралье (Вагранский грот, Атымья V), лесном Прииртышье (городище Новоникольское IV) [7. С. 135; 8. С. 108; 9. С. 115; 10. С. 51]. Н.В. Фёдорова очертила ареал существования памятников зеленогорского типа, ее «выплески» достигали на юг – до Северного Казахстана, на север – до полуострова Ямал, на запад – до Печорского бассейна, «восточные границы пока исследованы хуже всего» [11. С. 72].

Керамический комплекс зеленогорского типа «в чистом виде» представлен в материалах однослойного городища Лангепас-I (VI–VII вв.) (раскопки В.И. Семёновой 2002–2003 гг., при участии автора). Памятник расположен в 3 км к востоку от г. Лангепас и занимает участок коренного берега обской протоки Лангепас. В результате исследования три полуземлянки с очагами. В числе индивидуальных находок антропоморфная бронзовая личина с петлей на обороте, шаровидный сосуд-курильница (рис. 1/ 24), обломки рюмковидных тиглей, железный нож и два наконечника стрел, шлаки, каменные абразивы, бронзовые сплески и др. [12. С. 256–257].

Комплекс керамики городища Лангепас-I насчитывает 113 сосудов (рис. 1). Посуда изготовлена из хорошо отмученного теста, имеет равномерный обжиг, обе поверхности тщательно залощены, стенки тонкие – 3–8 мм. По форме делятся на круглодонные широкогорлые горшки с прямой шейкой (17,1 %), яйцевидные сосуды со слабой профилировкой шейки (9,0 %), чаши (2,7 %). Венчики в основном скошены внутрь (10,8 %), скошены внутрь с технологическим утолщением (18,9 %), прямые (13,5 %), прямые с технологическим утолщением (15,8 %). Венчик орнаментирован у 38,7 % с внутренней и внешней стороны, только внешней у 18,9 %. Орнамент покрывает верхнюю треть сосудов, 35,1 % посуды имеет завершающую зону, которая спускается на тулово. Наиболее употребляемый штамп – гребенчатый (49,6 %), из фигурных штампов – «уголок» (8,4 %), «ромб» (6,8 %), «треугольник» (4,4 %), «уточка» (4,0 %), «змейка» (3,6 %), «пуансонный» (1 %), единичны круглый, «след медведя», «подковка», «сердцевидный», «лапка уточки», трёхчленный. В верхней части шейки обязателен поясок круглых ямок. На 6 сосудах отмечен налипной валик, орнаментированный гребенкой. Керамика, так же как и вся зеленогорская, представлена тремя группами: 44,4 % (50 сосудов) сочетают фигурноштамповую и гребенчатую орнаментацию, 35,4 % (40 сосудов) сочетают желобчато-прочерченную орнаментацию с фигурноштамповой и гребенчатой, 20,2 % (23 сосуда) декорированы гребенкой [13. С. 109–111].

Одной из основ межкультурного взаимодействия явилась комплиментарность зеленогорских орнаментальных традиций по отношению к южно-таежным и лесостепным традициям. Во-первых, для обоих культурных массивов характерна гребенчатая орнаментация, в которой сложно увидеть межкультурные различия. Но можно отметить, что зеленогорская гребенка является мелкозубой и небольшой по размерам. Во-вторых, техника прочерчивания желобков характерна для зеленогорской керамики и широко представлена в лесостепных культурах финала раннего железного века (в частности, саргатской). В-третьих, присутствует мотив орнамента в виде острого угла. На зеленогорской керамике мотив острого угла выражается в форме фигурного штампа «уголок», «треугольник», в треугольных и арочных завершающих зонах, горизонтальной елочке. В лесостепных культурах финала раннего железного века прослеживается угловой и треугольный орнамент (также в саргатской культуре). В результате трансформации обозначенных компонентов сформировался культурный симбиоз, нашедший одно из своих выражений в соответствующей керамике, которая также сосуществовала и взаимодействовала с керамическими комплексами, восходящими к иным культурным традициям.

При рассмотрении материалов городищ VI–IX вв. Пламя Сибири-6, 7 и Антоново-I (30 км к В от г. Тюмени, оз. Антоново, старица р. Туры) удалось проследить значительное воздействие прошлого, северного по происхождению, зеленогорского типа керамики на характер развития молчановско-андрюшинской культуры [14]. Влияние зеленогорских групп населения в юго-восточном направлении рассмотрено нами в отдельной работе, посвященной культурным связям Сургутского и Томско-Нарымского Приобья [15. С. 69–72]. Здесь лишь отметим, что на основании сравнительного анализа рёлкинских и зеленогорских материалов сделан вывод о взаимодействии на нескольких уровнях – этнокультурных контактов и торгово-обменных отношений.

Взаимодействие зеленогорского населения и потчевашского также, скорее всего, носило характер этнокультурных контактов и торгово-обменных отношений. В VI–VII вв. в потчевашской культуре появляются сосуды, декорированные этномаркирующим зеленогорским штампом в виде уголка, присутствуют арочные гребенчатые и треугольные из уголков фестоны, которые дополнены желобчатым пояском. На некоторых потчевашских сосудах желобки образуют широкий пояс, покрывая практически всю шейку [16. С. 88,

рис. 21/ 8, 12]. Такой прием декорирования желобками характерен для карымской желобчатой группы керамики (инокультурного восточносибирского происхождения) [9. С. 114]. По-видимому, в данном случае прослеживается возрождение способа орнаментации широким желобчатым поясом, не получившим здесь дальнейшего развития.

На наш взгляд, значительное воздействие носителей зеленогорской керамики сказалось на этногенезе и кушнаренковской культуры, небольшая коллекция керамики которой обнаружена при раскопках городища Антоново-1. Памятник находится в 27 км к востоку от г. Тюмени, в 1,5 км к западу от оз. Антоново (старица р. Туры), на высокой (до 10 м) коренной террасе р. Туры. Городище размерами 37х45 м, имеет двойной ров и вал (первый ров и вал полностью опоясывают городище полукольцом и имеют размеры: ров шириной 1,5–3 м, глубиной 0,3–0,5 м, вал шириной 2–5 м, высотой 1–1,3; второй вал и ров охватывают ЗЮЮ часть памятника, размеры: ров шириной 0,6–1,2 м, глубиной 0,16–0,3 м, вал шириной 1,25–2,0 м, высотой 0,2–0,35 м), в рельефе остатков жилищных конструкций не фиксируется. Городище открыто Г.Г. Русаковым в 1987 г. [17. С. 4].

В 2012 г. заложен раскоп площадью 224 кв. м, который охватил центральную и западную части жилищной площадки. В результате исследованы каркасно-столбовые постройки и получен материал нескольких эпох. Верхний слой серой супеси мощностью до 0,15 м (молчановско-андрушинская культура, VI–VII вв.), подстилающий его слой бело-серо-желтой супеси мощностью до 0,25 м (бакальская культура, IV–VI вв.) и выступающий основанием слой серо-желтой супеси мощностью до 0,7 м (ташковская культура, эпоха бронзы). Кушнаренковская керамика обнаружена в первых двух слоях.

Анализируя обнаруженную при раскопках керамику и учитывая опубликованные кушнаренковские материалы, можно отметить следующее. На наш взгляд, зеленогорские культурные традиции оказали влияние на облик кушнаренковской керамики уже с уровня технологии – хорошо отмученное тесто, равномерный обжиг, тщательная залощенность и тонкостенность. Эти признаки характерны для зеленогорской посуды, и, опираясь на личный опыт ее сравнения с кушнаренковской, заметим, что в последней эти признаки получили дальнейшее развитие, она более «качественна и изящна» даже по сравнению с аналогичной зеленогорской керамикой. По форме кушнаренковские сосуды в большей степени тяготеют к местным лесостепным традициям, а «северная, лесная» горшковидная посуда встречается редко.

Однако зеленогорские традиции преобладают в орнаментации. Гребенка полностью соответствует северной – она небольшая, мелкозубая и образует прямые или наклонные горизонтальные пояски (рис. 1, 25–26). Сохраняется зеленогорская желобчато-прочерченная орнаментация в виде горизонтальных разделительных поясков по 3–4, но их количество сокращается до одного-двух (рис. 1, 25–26, 28) (отметим, что эта тенденция не закрепляется – в приуральском кушнаренково распространена многожелобчатая орнаментация шейки) [ср. 18. Рис. 2, 6, 9, 11, 14, 17–19]. В зауральском кушнаренково возникает новый вид орнамента – короткие наклонные прочерченные желобки, сгруппированные в горизонтальную полосу [ср. 19. Рис. 10, 1–3, 5, 7–8, 12, 18–23]. Возможно, что этим угловым декором компенсировалось редкое применение штампа в виде «уголка», место которого занимает также характерный для зеленогорской керамики штамп в виде «треугольника» [20. Рис. 3, 3, 5, 6; 4, 2–3, 8, 13–15] (отметим, что в приуральском кушнаренково эта тенденция также не закрепляется – на ней в большей степени представлен классический зеленогорский «уголок») и горизонтальная елочка [ср. 18. Рис. 2, 1–4, 7, 16, 18]. Так же как и на зеленогорской керамике, на зауральской кушнаренковской керамике представлены треугольные композиции на шейке и такие же завершающие зоны, расположение фигурных штампов («треугольников») в шахматном порядке, валики на шейке. Возможно, вследствие бакальского культурного влияния появляется горизонтальная полоса сетки, выполненной насечкой (рис. 1, 28). Характерной особенностью зауральской кушнаренковской керамики является практически полное отсутствие обязательной зеленогорской черты орнаментации – пояски ямок в верхней части, который не характерен и для приуральского кушнаренково.

На основании вышеизложенного считаем возможным предположить, что зеленогорские культурные традиции сыграли определенную роль в развитии кушнаренковской культуры. В гипотетической форме считаем возможным предположить наличие субстрата, восходящего к саргатским традициям и выраженного в орнаментальных особенностях керамики. В орнаментации крестом и сеткой (рис. 1/ 28) и форме сосудов с зауженным горлом и наибольшим диаметром в средней части [ср. 20. Рис. 3/ 11] прослеживается бакальский компонент. Определение других культурных традиций, участвовавших в культурогенезе кушнаренковской культуры, требует дальнейших исследований.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, в начале второй половины I тыс. н.э. одним из фак-

торов культурогенетического развития западносибирских культур становится воздействие зеленогорских культурных традиций, проявившихся в орнаментации керамической посуды. Несомненно, что в это время было влияние и других культурных традиций, определение которых необходимо для полноценного понимания культурогенетических процессов в эпоху раннего Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордиенко А.В. Нижнее Приобье в первой половине I тыс. н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1 (18). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2013.
2. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
3. Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. С. 45–60.
4. Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов: монография. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2012. 178 с.
5. Чернецов В.Н. С. Зеленая горка близ Салехарда // КСИИМК. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Вып. XXV. С. 67–74.
6. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953. № 35. С. 7–71.
7. Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
8. Морозов В.М. К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 102–109.
9. Зыков А.П. Средневековые таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 109–124.
10. Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (мат-лы к атласу): Научно-исторические очерки. 2-е изд. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 44–74.
11. Федорова Н.В. Зеленогорское время в Приобье: центральная зона и освоение Севера // Россия и Восток: археология и этническая история: Мат-лы IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 71–75.
12. Семенова В.И. Раскопки городища Лангепас-I в Нижневартовском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Вып. 1. С. 256–257.
13. Гордиенко А.В. Типология керамического комплекса городища Лангепас – I // Словцовские чтения-2003: Мат-лы XV Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 109–111.
14. Гордиенко А.В. Молчановско-андрушинская культура лесного Зауралья // Вестник Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 2013.
15. Гордиенко А.В. К вопросу о культурных связях Сургутского и Томско-Нарымского Приобья во второй половине I тыс. н.э. // Вестник Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 2011. № 345. С. 69–72.
16. Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 95 с.
17. Русаков Г.Г. Археологические объекты междуречья Туры и низовьев Пышмы в районе изысканных трасс ВЛ 500 кВ Тюмень–Курган и Тюмень–Беркут. Тюмень, 1994. / Архив ПНИАЛ УрГУ. П-191/1987, 89, 92, 93 гг. 11 с.
18. Иванов А.Г. Группы кушнаренковско-караякуповского населения между Камой и Вяткой // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. С. 147–161.
19. Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. С. 6–41.
20. Матвеева Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // АВ ORIGINE: проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор-Бук, 2007. С. 63–75.